

Павел Кузенков
Константин Панченко

Почему удались арабские завоевания?

Каср Бишр — один из римских фортов пограничной линии Лимес Арабикус. Иордания.

Границы цивилизаций веками остаются незабываемыми. Тот водораздел, что проходил, например, по странам Восточной Европы между православной и западной цивилизациями при Иване III, и сейчас идёт по той же линии, лишь кое-где откатнувшись туда или сюда километров на пятьдесят. За полтысячи лет ничего не изменилось. Но бывают судьбоносные годы каких-то тектонических подвижек, когда плиты цивилизаций вдруг сталкиваются, смещаются, проваливаются в небытие или выплавляются из кипящей магмы истории. Так, Александр Македонский за десятилетие продвинул границу античного мира от Геллеспонта до Инда. Передняя Азия на сорок поколений была развёрнута лицом к Западу, к Средиземноморью. А потом за такие же десять лет арабы-мусульмане толкнули границу цивилизаций обратно.

Кого из историков не поражала неправдоподобная, сверхъестественная лёгкость арабских завоеваний? Так или иначе, большинство из нас воспринимает события с ракурса православной Византии и задаётся вопросом: почему случилась эта столь чудовищная несправедливость? Как вышло, что горстка дикарей из пустыни смела две величайшие империи тогдашнего мира — Византию и Сасанидский Иран, превосходившие их на много порядков по всем показателям? Можно сказать, что арабы били противников растопыренными пальцами, наступая сразу по двум трём направлениям, вопреки всем правилам военной стратегии. Все военные ресурсы Аравии — это несколько десятков тысяч голодранцев с одной кольчужой на пятерых и одним конём на десятерых, в сражениях избиравших оборонительную пехотную тактику и не имевших навыков осады городов. Военно-демографический потенциал соседних империй превосходил возможности арабов на порядок: тяжёлая конница катафрактариев, боевые слоны, неприступные крепости. Как же многоопытные военачальники проигрывали сражения многократно слабейшему противнику? Почему сдавались города, которые арабы заведомо

Павел Владимирович Кузенков — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ.

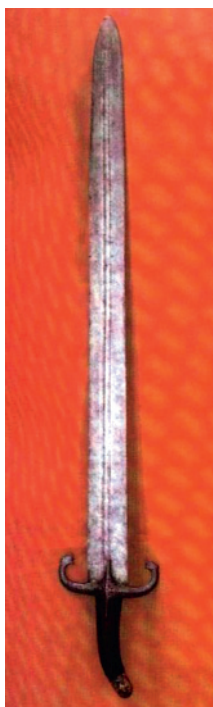
Константин Александрович Панченко — доктор исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ.

© Кузенков П.В., Панченко К.А. (текст), 2015.

не могли взять штурмом? Исход сражений при Ярмук и Кадисии (636), где решились судьбы Византии и Ирана, противоестественен. Что естественно — так это результат битвы при Муте (629), когда Мухаммад послал в набег на Заиорданье трёхтысячное войско, огромное по хиджазским меркам, а его разметал маргинальный царёк арабов-гассанидов, византийских вассалов. Почему через несколько лет всё так изменилось?

Для верующего мусульманина, может быть, нет ничего странного в триумфальном шествии арабских армий. Но позитивистская наука должна найти приемлемое объяснение. Конечно же, надо искать ответ в тех процессах социально-политического и морального кризиса, что переживали Византия и Иран. Но историю делают не безликие «процессы», а усилия конкретных людей, тех самых смуглолицых поджарых всадников на белых верблюдах, появившихся из глубин Аравии. Может, они не были столь слабы в военном отношении, как нам кажется? Может, не столь сильны были их противники, те же византийцы?

Вот попытка двух историков, арабиста и византиниста, реконструировать соотношение сил двух военных систем VII века, столкновение которых смело границы цивилизаций и создало нынешнюю этнокультурную конфигурацию Ближнего Востока.

Меч, принадлежавший, по преданию, Мухаммаду. Рукоять и перекрестье меча более поздней работы. Музей Топкапы, Стамбул.

Военный и демографический потенциал арабов.

В середине I тысячелетия Римская империя (более известная как Византия) и Сасанидский Иран были мировыми сверхдержавами. В них жило по 25—30 миллионов человек. Правда, это население существенно проредила «Юстинианова чума», с 541 по 630 год прошедшая четырьмя волнами по всему Средиземноморью. Но пандемия косила все народы, в том числе и арабов, сидевших на оживлённых торговых путях. Что могла противопоставить своим великим соседям Аравия эпохи Мухаммада? Считается, что её население составляло миллионов семь с небольшим. Три с половиной миллиона приходилось на земледельческий Йемен, три миллиона насчитывали кочевники центральной и северной Аравии, около 300 тысяч — оседлые обитатели оазисов Хиджаза и Йамамы.

Какой процент населения могли выставить на войну жители городов и оазисов без риска обрушить экономику? Мы не знаем. Мекканцы, которых насчитывалось 7—8 тысяч, в войнах с Мухаммадом выводили в поле до тысячи и более бойцов, не считая союзные племена, но это были кратковременные усилия, не очень затратные. С бедуинами проще: тут каждый взрослый мужчина — воин. То есть, приблизительно треть общего числа аравийских

Осада города арабами. Миниатюра из мадридской рукописи хроники Иоанна Скилицы. XI в.

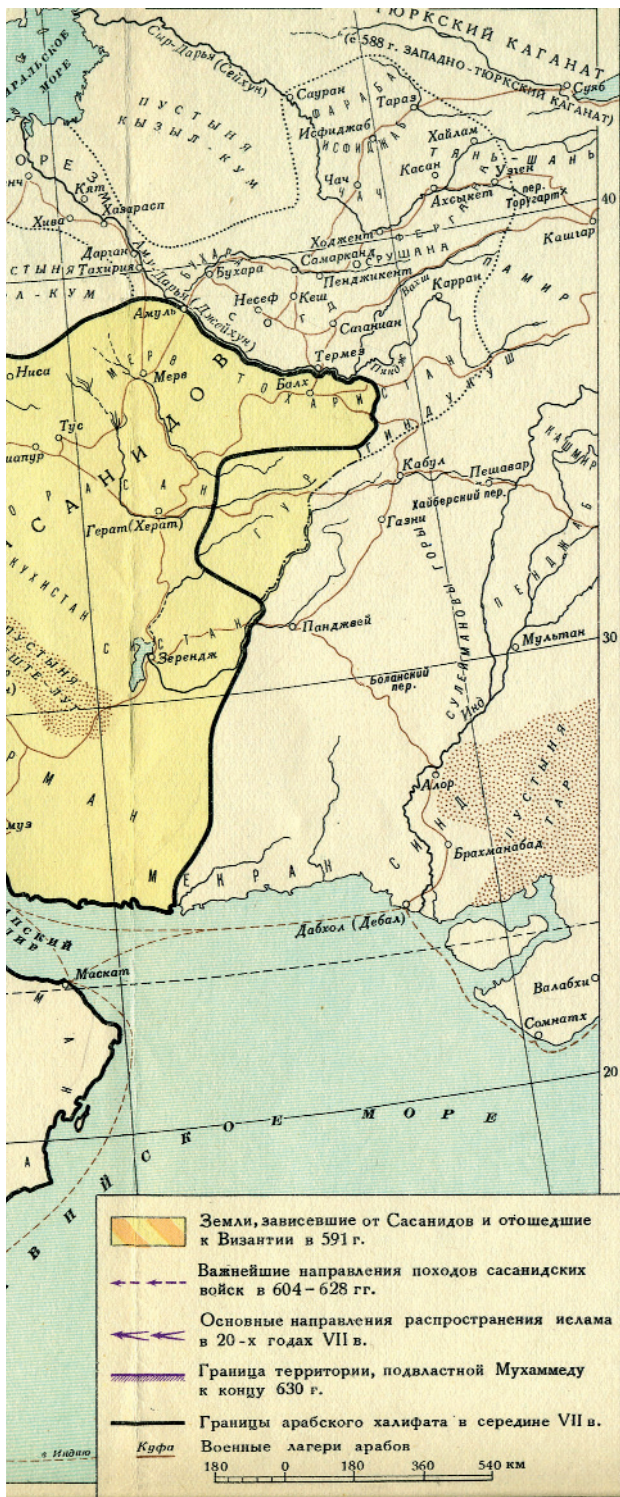

кочевников могла выступить на войну. Но это чистая теория, на практике же лишь небольшая часть бедуинов соблазнялась добычей и славой дальних походов.

Не будем утомлять читателя обилием цифр, многие из которых к тому же весьма гипотетичны. Вот главные. Арабы начали завоевание Сирии силами нескольких армий совокупной численностью в 20 тысяч

человек. После двух с половиной лет войны в битве при Ярмуке объединённая армия мусульман насчитывала 24—27 тысяч воинов. В Ираке в те же годы размеры мусульманского войска колебались от 5 до 10 тысяч, в зависимости от степени успешности военных действий и перспектив добычи. Под Кадисией мусульмане смогли сконцентрировать 25—30 тысяч человек.

// осень 2015 //

По состоянию на 636 год все арабские армии в Сирии и Ираке составляли от 50 до 60 тысяч воинов.

За обе свои оглушительные победы — Ярмук и Кадисию — арабы заплатили тяжёлую цену. Так, Кадисия стоила им трети их войска. Впрочем, значительно больший урон мусульмане понесли во время голода 639 года и эпидемии чумы, выкосившей сирийскую армию. Размах военных действий на время резко уменьшился, что не мешало арабам идти от победы к победе. Оценивая численность арабских армий на всех фронтах 642 года — в Египте, Армении, западном Иране, — мы видим примерно те же 60 тысяч воинов. Новые моджахеды восполнили потери, понесённые в сражениях и во время чумы.

Византийская военная система унаследовала модель поздней римской армии Диоклетиана — пограничные контингенты *лимитаны*, прикрывавшие рубежи империи, и мобильные элитные части *комитатензес*, размещённые в глубине страны в готовности оперативно выдвинуться на угрожаемые участки. Уже армия Диоклетиана и Константина представляла собой шаг назад по сравнению с военной машиной первых веков Римской империи, а дальше всё менялось только к худшему. Причиной тому был глобальный упадок позднеантичной цивилизации — депопуляция, деурбанизация, кризис экономики и финансов. Проблемы с рождаемостью усугубила пандемия чумы, подорвавшая демографические ресурсы и, соответственно, военную мощь империи. Амбициозное правление Юстиниана (527—565), запомнившееся чередой завоевательных войн и масштабных строительных проектов, стало лебединой песней уходящей цивилизации.

Пограничные части были наследниками расквартированных вдоль границ римских легионов, но со временем они стали заниматься сельским хозяйством и рассматривались уже как не вполне полноценные контингенты. В них записывались по наследству — от отца к сыну. При Юстиниане лимитаны были окончательно сняты с денежного довольствия в целях экономии средств и превратились в региональные отряды самообороны, содержавшиеся за счёт местных бюджетов.

Элитные войска комплектовались путём добровольного найма. Добровольцев

Ближний Восток в начале VII в.

Вади Ярмук, Северная Иордания.

Здесь в 636 году решились судьбы цивилизаций.

Император Юстиниан с придворными. Слева от императора, по некоторым предположениям, — полководец Велизарий. Мозаика церкви VI в. Сан-Витале. Равенна, Италия.

поощряла система привилегий для ветеранов — освобождение от подушного налога, торговых пошлин и местных повинностей, предоставление земельного участка с минимальным инвентарём или начального капитала для ведения дела. В армию брали как подданных империи, так и варваров — индивидуально или целыми племенными отрядами.

Численность армии комитанензис в VI веке оценивается историками в 150 тысяч человек. Лимитанов, по разным подсчётам, могло быть столько же или вдвое больше. Однако, если присмотреться к знаменитым военным кампаниям Юстиниана, бросается в глаза немногочисленность задействованных в них войск. Королевство вандалов в Северной Африке было завоевано силами шестнадцатитысячной армии. В Италии с вестготами воевало 12—18 тысяч солдат. Те же цифры мы видим при преемниках великого императора: в войнах конца VI века средняя действующая армия насчитывала от 5 до 15 тысяч, крупная — 15—20 тысяч. Когда императору Юстину в 560-х годах пришлось одновременно воевать с аvarами и славянами на Балканах, лангобардами в Италии, персами на Востоке и даже с мятежными союзниками — арабами-гассанидами, империя оказалась на пороге катастрофы. В 580-х годах император Маврикий, начав аvarскую кампанию, испытывал острый недостаток рекрутов и забирал в армию даже клириков.

Очень поучительной выглядит ситуация с финансированием позднеимперской армии. До начала VI века армия лишь отчасти содержалась за счёт денежных выплат. Основное снабжение шло через натуральные налоги и повинности с населения: поставки зерна, масла, вина и прочего. Потом догадливые чиновники перевели налоги в монетную форму. На собранные деньги предполагалось закупать продовольствие и аммуницию на рынке. Реформа резко увеличила приток денег в казну, но столь же резко усилила отток ресурсов от армии. Посредники, завязанные в коррупционные схемы с военным начальством, завышали цены на провиант, воровала интендантская служба, погибших легионеров не исключали из списков и исправно получали на них содержание, но главное — у государства появился соблазн экономить за счёт армии.

Блестящая эпоха Юстиниана надорвала Византию. Победы в Африке и Италии были куплены ценой разорения коренных земель империи на востоке. Славяне безнаказанно опустошали Балканы, персы — Сирию. Кризис государственных финансов привёл к тому, что при императоре Маврикии (582—602) были урезаны оклады военным на четверть. Маврикий сам был военачальником с реальным боевым опытом. И если даже он пошёл на сокращение военных расходов, значит, имперская экономика действительно находилась на пороге коллапса. В одной кампании аvarы взяли в плен це-

лую армию — 12 тысяч человек — и предложили византийским властям выкупить их. Но Маврикий стал требовать скидку за оптовую сделку, и раздражённые варвары перебили всех пленников. Можно догадаться, что это не прибавило императору популярности в войсках. Но последней каплей стал приказ измотанной войной армии зимовать в степях за Дунаем, на вражеской территории. Маврикий хотел в очередной раз сэкономить на поставках продовольствия и фуража. Озверевшее от лишений войско взбунтовалось, император был свергнут и казнён. На трон сел вчерашний центурион Фока (602—610), один из самых кровавых тиранов в византийской истории.

Империя стала рушиться. Славяне и авары прорвали дунайскую границу и затопили Балканы. Иранский шах Хосров начал войну на востоке. Через несколько лет персы дошли до Египта и Босфора. Казна была пуста, армию и бюрократию содержать стало не на что. Хосров, провозгласил своей целью взять реванш за поражения своих предков от Александра Македонского и сокрушить христианскую цивилизацию. Византию спасло чудо, иначе не скажешь.

В результате восстания к власти приходит сын карфагенского наместника Ираклий, великий государственный деятель и талантливый полководец. Патриарх Сергей отдаёт все богатства Церкви на нужды армии. Авары и персы с двух сторон подступают к Константинополю, но штурм отбит. Ираклий совершает ряд дерзких рейдов по Анатолии и Закавказью. С ним было всего несколько тысяч таких же отчаянных псов войны. Персидские войска, разбросанные на огромном пространстве, не могли быть быстро скон-

центрированы в нужном месте. Наконец, заговор иранской знати и убийство Хосрова положили конец четвертьвековому побоищу. Византия выжила, но ценой полного истощения ресурсов, в том числе и военно-демографических. Сил на отражение арабского вторжения почти не осталось.

При этом население ближневосточных империй было в значительной степени отчуждено от своего государства. Властям и в голову не приходило раздать оружие народу для борьбы с завоевателями. А крестьяне и ремесленники точно так же не могли себе представить, что можно с оружием в руках защищать свои очаги. Огромные города сдавались арабам (как раньше — персам) без сопротивления, и это вовсе не считалось предательством. Трёхмиллионный Египет завоевали 15 тысяч воинов Амра ибн аль-Аса; византийскую Сирию с населением 4,4 миллиона человек покорили примерно 25 тысяч арабов. Сражались армии, народ безмолвствовал. Крах поздней Византии — это очень поучительная картина для всех времён и народов.

Насколько были оснащены и вооружены арабы? Аравийское общество эпохи *джахилийи* (досл. «невежества» — так средневековые арабы называли свою доисламскую историю) выглядит предельно воинственным: меч имел, наверное, каждый мужчина. Мечи фигурируют в исторических источниках постоянно.

По числу поэтических эпитетов («тень смерти», «клык судьбы», «отец ужаса» и т. п.) меч может

Монета императора Фоки. VII в. Монета императора Ираклия. Он изображён с сыном-соправителем Ираклием Константином.

сравниться только с верблюдом, другим любимым образом арабской поэзии. Довольно короткие, похожие на римский *гладиус* мечи ковали в Йемене из брусков индийской стали. Были, возможно, и длинные кавалерийские клинки. В стамбульском дворце-музее Топкапы хранятся мечи, якобы принадлежавшие Мухаммаду и другим героям раннего ислама. Учёные к этим атрибуциям относятся с сомнением, но признают древность мечей, восходящих, может быть, к омейядской эпохе. Это широкие увесистые клинки с округлым или чуть заострённым концом.

Копья изготавливали из тростника с берегов Персидского залива. Хиджазский лук делался из одного куска дерева или двух, склеенных по всей длине. Со снятой тетивой он достигал двух метров. Арабские лучники пускали стрелу максимум на 150 метров, а насчёт меткости её фольклор сохранил много скептических замечаний. Так, халиф Умар называл стрелы «посланцами смерти, которые могут пролететь мимо, а могут попасть». Арабы, похоже, компенсировали эти недостатки массированным применением луков — тучи стрел накрывали плотные порядки наступающего врага, веретенообразные наконечники легко пробивали и сасанидскую и римскую броню. Однако противники арабов не только не уступали им в обращении с луком и стрелами, но, пожалуй, и превосходили их. Тяжёлый аварский лук уже получил распространение в византийской армии. В так называемый «день окривления» во время битвы под Ярмуком 700 арабских воинов лишились глаз под дождём византийских стрел.

В своё время Мухаммад, утверждая власть над Ясрибом, выдал оттуда иудейские племена, не желавшие признавать его

пророком. Изгнанники оставили победителям всё своё оружие. Из перечня трофеев видно, что кольчуга была только у каждого пятого-шестого. Лишь авторитетные вожди могли иметь две и более кольчуги, которые в бою надевали друг на друга. А простой бедуин, как свидетельствуют доисламские эпические предания «Дни арабов», иной раз довольствовался тем, что перед боем привязывал сандалии к животу и паху, прикрывая самое ценное. Специалисты утверждают, что местные аравийские доспехи были не металлическими, а кожными (чешуйчатыми или пластинчатыми).

Шлемы были ещё большей редкостью, чем кольчуги. За неимением шлема для защиты головы могли носить бармицу, кольчужный капюшон. Можно вспомнить, как Мухаммад в неудачной для него битве с мекканцами при Ухде поймал щекой удар меча, и несколько колец кольчужной бармицы впились ему в лицо. Вполне возможно, что даже на нём в этот день шлема не было.

Дэвид Николь, лучший знаток военного дела средневекового Востока, обратил

Византийские воины. VII в.

Позднееримские катафракты.

Сирийская пустыня, арабо-византийское пограничье.

внимание на описания характерных ранений арабских героев. Большинство боевых травм приходилось на икры и ступни, значительно реже — на руки, плечи и область торса. Арабы использовали большие щиты от бедра до плеча, — видимо, кожаные, из верблюжьей или бычьей шкуры.

Но с началом великих завоеваний арабы получили массу трофейного вооружения. Так что после Ярмука и Кадисии уже нет смысла сравнивать противоборствующие армии по этому признаку.

Структура войска у арабов и византийцев. В первые века новой эры северными арабами было изобретено высокое деревянное седло, крепившееся на верблюжьем горбу. Оно позволило наездникам чувствовать себя более уверенно, чем раньше, хотя верблюд считается плохо управляемым животным, непригодным для сражения. В ассирийских военных реляциях древние арабы фигурируют как всадники на верблюдах (лошадь ещё не попала в Аравию), но в этом качестве они бывали

// осень 2015 //

регулярно биты ассирийцами. Однако городские империи с профессиональными армиями ничего не могли поделать с кочевниками: они растворялись в степях и пустынях, чтобы однажды вынырнуть из ниоткуда и ударить в самое уязвимое место.

В эпоху великих завоеваний арабы совершали на верблюдах дальние переходы, а немногочисленных лошадей вели в поводу. Непосредственно перед сражением пехота спешивалась, а всадники пересаживались на коней.

Пехота составляла основную массу арабской армии. Арабы предпочитали оборонительную тактику, выбирая позицию с естественными препятствиями на флангах. В бою пехота могла много раз совершать броски и отступления, но основные силы берегли до того момента, когда враг выдохнется. Тогда в дело вступала конница. Конь в Аравии был роскошью, всадников было мало. Во время походов Мухаммада, хорошо задокументированных, доля конницы в составе противоборствующих армий составляла от одного до десяти процентов. Так что совершенно напрасно арабское войско порой представляют лёгкой кавалерией, потрясающей кривыми саблями.

Сабли, кстати сказать, появились у народов степей, когда они изобрели стремя, прочно уселись в сёдлах и смогли совершать клинком размашистые круговые движения. Дата появления стремя и их проникновения на арабский Восток остаётся предметом дискуссий. Наиболее убедительная версия гласит, что не позже чем на рубеже VI—VII веков византийцы заимствовали

стремя у аваров, далее оно попало к арабам-гассанидам. Некоторые учёные считают, что первоначально стремя использовались не для фиксации в седле, а для того, чтобы легче было взбираться на лошадь. Арабская традиция донесла отголоски скептического отношения к стремянам — бедуинским всадникам якобы привычнее было взлетать на спину лошади лёгким прыжком и так же соскакивать на землю. В «Днях арабов» редки упоминания стремян. Так, один из героев рассказывал о своём бое с противником: «Меч — железный, а рука — крепка, и ударил я его, упёршись в стремяна, и слышал, как меч сказал: “каб-каб”, попав ему в голову, а на острие его видел как бы плоды травы мурар».

Как высшее проявление героизма арабские сказания описывают эффектный поступок опьянённого битвой полководца, который слезает с коня и перерезает ему сухожилия. Пути к бегству отрезаны, остаётся победить или умереть. Сам факт того, что подобные вещи случались, показывает, что не конница, а пехота была главным родом войск у арабов.

Структура византийской армии была сходной: пехота — копейщики и лучники — составляла основную массу войска, лёгкая кавалерия прикрывала фланги. Пехота действовала в плотных боевых порядках, где чёткое маневрирование, выполнение команд, доведённое до автоматизма, значили больше индивидуальных боевых качеств солдата. «Природа рождает мало храбрецов, — утверждал “Стратегикон” императора Маврикия, — остальных делают пригодными старание и тренировки». Плотное построение и чувство локтя подавляли у бойцов инстинкт самосохранения и стимулировали отвагу. Главной ударной силой армии выступала тяжёлая конница — закованные в пластинчатую броню всадники и лошади. Подобных воинов у арабов не было, но и у ромеев численность дорогостоящих катафрактариев была невелика.

В пехоту набирали преимущественно подданных империи с наиболее агрессивным этническим стереотипом поведения: иллирийцев/«протоалбанцев» (именно из этого народа вышло большинство brutальных «солдатских императоров» позднего Рима), балканских горцев с фракийскими генами (каковыми были Юстиниан и его лучший полководец Велизарий), исауров с гор Киликийского Тавра, дикостью нравов не уступавших варварам, армян, считавшихся исключительно воинственными, хотя и ненадёжными. Характерно, что греков воинские уставы предписывали в армию не брать.

Мухаммад покоряет иудейский оазис Хайбар в северном Хиджазе. Миниатюра из хроники Рашид ад-Дина «Джами ат-Таварих». Нач. XIV в.

Лёгкую кавалерию составляли этнические контингенты союзников во главе со своими племенными вождями — прежде всего армяне и арабы-христиане (гассаниды и другие племена крошки Сирийской пустыни). Проблема была в том, что у империи не хватало средств, чтобы оплачивать их верность. А без постоянных финансовых и продовольственных вливаний хрупкая государственность гассанидов, опиравшаяся на экстенсивное скотоводство, просто не могла существовать. Наряду с армянами и арабами в армии встречались наёмники-лангобарды, тюрки из причерноморских степей, персы, перешедшие на византийскую службу после окончания великой войны двух империй.

Военный теоретик Вегеций (390?—440?) запечатлел в своих наставлениях многовековой римский армейский опыт, в том числе и в плане комплектования личного состава. Он писал, что армия, набранная из подданных империи, гораздо лучше наёмной (в то время ещё практиковался набор по призыву). Новобранцы из регионов с умеренным климатом лучше жителей северных и южных областей. Сельские жители предпочтительнее горожан. Призывники должны быть молодыми, желательно рослыми (будущие всадники фланговых отрядов и первых когорт легионов — не меньше 185 сантиметров); но сила считалась предпочтительнее роста.

Как писал Вегеций, представителей таких профессий, как птицеводы, рыболовы, кондитеры, ткачи и «всех, чей труд напоминает женский», нужно гнать вон из армии; там нужны рабочие, кузнецы, плотники, мясники, охотники. Точно так же от службы отстранялись рабы, члены городских советов, еретики (кроме германцев-ариан, которые, наоборот, считались военной элитой), манихеи, язычники и иудеи. Впро-

чем, эти правила едва ли соблюдались на практике, тем более в годы войн.

Из армии выгоняли («лишали пояса») за любую провинность. Но та свирепая дисциплина, что была свойственна римским легионам, в византийском войске уже была утрачена. «Стратегикон» постоянно рассуждает о солдатских бунтах, неповиновении и т. п. В военное время, пишет автор, должно закрывать глаза на проступки воинов, но ничего не следует забывать, чтобы сурово наказать смутьянов в удобный момент по завершении кампании. Это ли не признак слабости?

Очень интересна тема идеологической накачки в византийской армии — «политработы», говоря современным языком. Пацифизм христианства уравнивался идеей защиты христианского царства от обступивших его врагов. В армии практиковались ежедневные коллективные молитвы (утром и после вечерней трапезы), очистительные молебны, освящение знамён, выставление икон в бою, клич «С нами Бог!» на выходе из лагеря. Расхожим представлением о византийском коварстве противоречит строгое правило «Стратегикона»: не нарушать клятв, данных врагам, ибо вероломство ведёт к утрате Божьей благодати. В эпоху противостояния с персами были даже попытки придать войне статус «православного джихада», обещать райское блаженство павшим, но церковные иерархи не поддерживали эту идею, полагая грехом любое смертоубийство.

Противоположные стратегии. Практически во всех случаях столкновений кочевых орд с земледельческими цивилизациями кочевники уступают оседлым в численности, но превосходят их в плане мобильности и боевых качеств. Сам по себе

Бедуинский шатёр.
Арабская миниатюра нач. XIII в.

// осень 2015 //

бедуин — прирождённый наездник и охотник — был идеальным бойцом, но его достоинства часто сводились на нет необузданным индивидуализмом и гордыней. Герои арабского эпоса очень агрессивны, они идут на убийство так же легко, как персонажи исландских саг. Обычай кровной мести отчасти сдерживал эту агрессию, но, будучи однажды запущенным, провоцировал цепную реакцию межплеменной резни.

Арабские вожди были блестящими стратегами, мастерами полупартизанской войны — засад, набегов и отступлений. Точнее сказать — лучшие из этих вождей. Потому что кадровые решения Мухаммада и праведных халифов иной раз представляются, мягко говоря, непродуманными. Немотивированное смещение завоевателя Сирии Халида ибн аль-Валида, этого арабского Ганнибала, представляется одним из самых малосимпатичных поступков халифа Умара. С другой стороны, Умар поставил во главе одной из армий, отправленных в Ирак, никому до того не известного Абу Убайду ибн Мас'уда, просто за то, что тот первым откликнулся на призыв к джихаду. И Абу Убайда, упоённый лёгкими победами, завёл войско за Евфрат, где арабы, атакованные персами, оказались беспомощны среди болот и арыков. В поединке с вражеским слонным предводителем явил личную храбрость и отсек врагу хобот, но был раздавлен упавшей тушей, а в арабском войске, прижатом к реке, началась губительная паника.

Далеко не все арабские военачальники были выдающимися стратегами, но отхватить хобот слону мог каждый. Ни у кого из мусульманских полководцев не было той нерешительности, если не сказать трусости, которую в изобилии можно наблюдать у их противников. Напротив, был охотничий азарт, граничивший с авантюризмом.

Византийская стратегия являла собой полную противоположность, и в этом, может быть, кроется самое важное для понимания причин поражений ромеев от всякого варварского сброда. Позднеримская военная наука — это мудрость дряхлого этноса, боящегося крови и риска. Военные кампании представляли собой изощрённое маневрирование, напоминающее шахматную партию. Уставы из века в век повторяли одно и то же. Избегать полевых сражений. Уклоняться от наступательных действий. Не атаковать в лоб даже слабейшего противника, ибо воинское счастье переменчиво. Попавшего в окружение врага надо выпустить, иначе он будет драться с отчаянием обречённого. Как с такой психологией можно кого-то победить?

Листая «Стратегикон» Маврикия, натыкаешься на любопытную фразу: «Солнце, ветер и пыль должны быть в спину нашим войскам, и было бы хорошо, если бы они оказались врагам навстречу, так чтобы они, мешая врагам видеть и затрудняя дыхание, помогли нам быстрее одержать победу». В судьбоносной битве при Ярмуке произошло с точностью до наоборот. Арабский строй стоял спиной к пустыне, и именно оттуда пришла обжигающая пыльная буря, превратившая солнце в раскалённый медный диск. Ромеи наступали против ветра, несущего тучи песка и до крайности затруднявшего стрельбу из луков.

В эпоху джахилий, в условиях вечной борьбы за полуголодное выживание, межплеменные войны служили арабам регулятором численности населения. В то же время они не должны были подрывать демографический потенциал племён. Боевые потери были невелики, так как арабы старались избегать ненужного кровопролития. Не считалось зазорным бежать от превосходящих сил противника. С приходом ислама укрепилась дисциплина, повиновение приказам, стало возможным создавать надплеменные воинские соединения, например сводить всю конницу войска в один отряд под единым командованием. Понизилась чувствительность к потерям (вероятно, сыграл свою роль религиозный энтузиазм).

Мусульманская традиция всячески воспевала эту готовность к самопожертвованию.

Абдалла ибн Равах, один из героев, павших в битве при Муте, перед походом написал касиду, напоминающую песню «Уходили комсомольцы на гражданскую войну»: *А я прошу у Всемилосердного прощения / И такого удара мечом, который поражает насмерть, / И заставляет пену выступить изо рта, / Или удара... обеими руками кровожадного врага, удара смертельного, / Нанесённого дротиком, проникающим во внутренности и в сердце, / Чтобы люди, проходящие мимо моей могилы, сказали: О, боец! / Да устроит его Бог как следует, ибо он шёл по прямому пути.*

Впрочем, в данном случае мы имеем дело с образцом пафосной пропаганды. Не стоит преувеличивать арабский энтузиазм. В той же битве при Муте верхушка мусульман пала геройской смертью при странной пассивности остального войска. Халиф Абу Бакр просто выталкивал в поход первые контингенты завоевателей. Одержанные победы и захваченные трофеи стимулировали дальнейший приток добровольцев в Сирию, но в то же время идти воевать в Ирак никто не хотел, потому что там не пахло легкой добычей. Когда в разгар битвы при Ярмуке йеменские ополчения дрогнули и побежали в сторону лагеря, их встретили женщины руганью и кольями от палаток и только так вернули в бой.

Ядро каждой крупной арабской армии составляли 1—3 тысячи *асхабов*, старых сподвижников Пророка. Именно им были свойственны дисциплина, фанатизм

Мусульманские войны эпохи Великих завоеваний. Слева направо: ансар (сподвижник Пророка); иранский всадник; бербер из вспомогательных отрядов.

Реконструкция облика
арабских воинов
эпохи Мухаммада.

и жертвенность. Наверное, эта энергетика «заряжала» остальных. Но и те, кто не был фанатиком, обладали агрессией и удачей, которые напрочь отсутствовали у их противников.

И ещё одно. В чём было принципиальное отличие мусульман от арабов эпохи джахилии или арабов-христиан Сирийской пустыни, составлявших, кстати сказать, значительную долю в византийских и иранских армиях? Один исследователь заметил, что доисламские арабы — это не субъект истории, а объект геополитических игр соседних империй. При всей своей воинственности они были лишены экспансионистских побуждений. Ни на какие сверхусилия или на подчинение своих сиюминутных интересов какой-либо сверхзадаче они не были способны. Их стиль войны — удалой набег. Они могли успешно уворачиваться от ударов регулярных армий, но победить «правильную» армию были не в состоянии.

На этом в 531 году «погорел» Велизарий, великий византийский полководец, перед битвой с персами поставивший гассанидскую конницу на фланг своих боевых порядков. Под ударом противника арабы рассыпались и ускакали в степь, а византийское войско в итоге попало в окружение. Летописцы обвинили гассанидского царя

в измене, но его воины всего лишь следовали нормальной тактике кочевников.

Впрочем, есть иной взгляд на гассанидов. Они могли бы стать реальным щитом Византии от мусульманской угрозы. У гассанидов были все достоинства бедуинского войска — храбрость, агрессивность, молниеносные броски на сотни километров. При этом они были армией, а не ордой, усвоили начатки римской военной организации, воевали не в пешем строю, а на арабских скакунах и в железных доспехах. И самое главное — они были христианами, и вера их была почти такой же фанатичной, как у последователей Мухаммада. Последний царь гассанидов Мундар (569—582), гений блицкрига, раз за разом громил своих врагов-лахмидов, обрушиваясь на них в самом неожиданном мес-

те и в самое неподходящее время. Лакхмидский царь, не понимая стиля войны своего противника, писал ему: «Выходи на открытый бой, не кради победу, как вор». «Не утруждай себя дальним походом, — отвечал Мундар, — Я найду тебя, когда будет надо».

Но гассанидский буфер не прикрыл царство ромеев от вторжения мусульман. В 582 году Мундар был обвинён византийским двором в измене, вероломно схвачен и увезён в ссылку на Сицилию. Выплаты союзникам-гассанидам прекратились, их царство рассыпалось, и пошатнулась вся система обороны восточных границ империи. Неприязнь константинопольских властей к Мундару объяснялась тем, что царь гассанидов был лидером монофизитов, церковно-политического движения, противостоявшего византийскому православию. Добавим сюда и упомянутое истощение имперской казны, неспособной более подкармливать арабских союзников. Но был ещё один субъективный момент. Главным врагом Мундара оказался магистр Востока Маврикий, будущий император и предполагаемый автор «Стратегикона». Маврикий был непосредственным начальником Мундара во время одной из византийско-персидских войн. Трудно представить что-то более контрастное: неспешная осторожность «Стратегикона», мудрость

черепahi, забившейся в панцирь — и стиль наступательной молниеносной войны, доведённый до совершенства гассанидским царём. Стоит ли удивляться, что Маврикий страдал от комплекса неполноценности и ненавидел своего победоносного соратника?

С приходом ислама вооружение у арабов осталось прежним, оперативно-тактическое искусство не претерпело заметных изменений, но что-то сдвинулось в головах у вождей и массы. Стремление к экспансии, фанатизм и упорство и нарастающий после первых побед азарт и уверенность в своих силах перекроили этнокультурную карту мира до неузнаваемости.

Что это было? Пассионарный толчок, породивший всплеск агрессивной энергии и сотворивший новую цивилизацию? Может, и так. Успех арабской экспансии, кроме того, нельзя понять без учёта социального, идейного, демографического кризиса, который переживали обе ближневосточные империи, павшие жертвой мусульманского натиска. Но задача этой статьи, повторим, — рассмотреть лишь один из срезов проблемы, а именно соотношение противоборствующих сил по показателю именно военной мощи.

Но почему Византия всё-таки устояла? Потеряв половину территорий, государство стало в этно-культурном плане более

монолитным. Коллапс экономики, произошедший в начале VII века, обрушил многоступенчатую бюрократическую пирамиду, непосильную для общества. Государство стало намного более примитивным, в чём-то похожим на варварскую Европу «тёмных веков», но настолько же более жизнеспособным, чем дряхлеющая позднеримская империя. Не стало денег на наёмную армию, и войско превратилось в крестьянское ополчение, с которым государство расплачивалось за службу социальными привилегиями. Власть перестала бояться давать оружие своему народу. А народу стало что защищать. Почему арабская экспансия захлебнулась у края Анатолийского плато? Да, климат сыграл свою роль, зимы с тридцатиградусными морозами и снега по пояс. Легко заметить, что Арабский халифат, как и большинство империй мира, распался в широтном направлении, а не в меридиональном. Арабы заняли привычную им экологическую нишу сухих степей от Андалусии до Мавераннахра, но не пошли севернее, туда, где не выживает верблюдомадер. Но и человеческий фактор забывать не стоит. Византийская армия изменилась. Фемные ополчения «тёмных веков», может быть, уступали по боевым навыкам и качеству вооружения армии Юстиниана, но они дрались на своей земле за свои дома, и у них была одна задача — оборона. И в целом у них это получилось.

В оформлении статьи использованы иллюстрации из книги: *D. Nicolle, A. McBride. Romano-Byzantine Armies 4th—9th Centuries. L., 1992* и другие материалы, предоставленные авторами. Фото Константина Панченко.